

Елена Балашова

СКИТ

повесть

Художник Олег Зубарев

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Москва, 2021

УДК 821.161.1-312.2Балашова
ББК 83.3(2=411.2)6-44
Б20

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС P21-102-0037

Балашова, Елена Григорьевна.
Б20 Скит : повесть / Е. Г. Балашова. — Москва : Вольный Странник,
2021. — 176 с. : ил.

ISBN 978-5-00178-069-4

Повесть «Скит» — это удивительная история о поиске Бога, о вере, о чуде, а главное — о преображающей любви. Любовь живет и в молитвенном подвиге старцев, и в сердцах людей, удивительным образом оказавшихся в Скиту. Любовь, поселившаяся в сердце, дает силы вчерашней комсомолке и жившему без веры американскому летчику с решимостью начать свой путь к Богу. Любовь пробуждает у бежавшего из лагеря врача и женщины-вдовы, потерявшей мужа на войне, искреннее желание быть честными перед Богом.

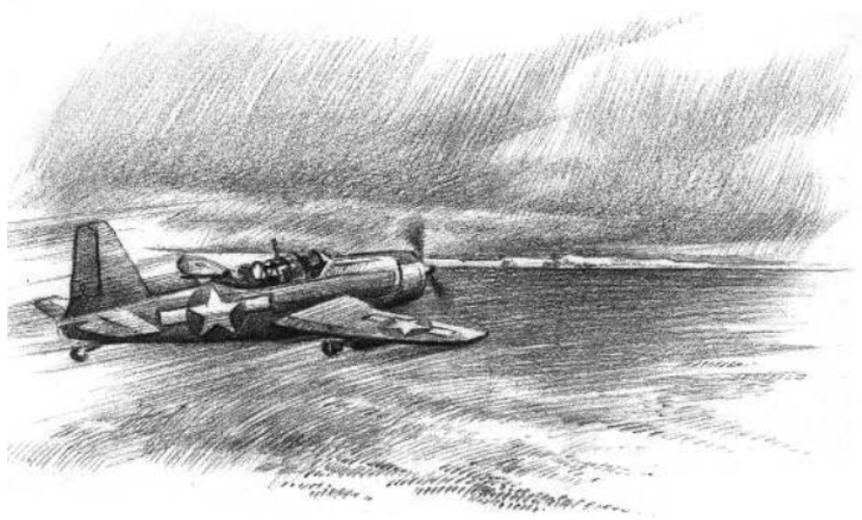
Повесть будет интересна широкому кругу читателей.

Автор книги Елена Григорьевна Балашова — специалист Синопдального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, сотрудник историко-архивной службы Высоко-Петровского монастыря Москвы, автор нескольких научных статей.

УДК 821.161.1-312.2Балашова
ББК 83.3(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00178-069-4

© Балашова Е.Г., 2021
© Зубарев О.И., иллюстрации, 2021
© Оформление ООО «Вольный Странник», 2021

Стать героем

Весна 1943 года

Что красивого Элизабет нашла в этом крае? Почему с такой любовью говорила о нем? Из кабины видны только серое небо, черная гладь моря и белая линия берега где-то вдаль. Удастся ли когда-нибудь увидеть красоту этого берега? Сейчас там всё занесено снегом, а весной? А летом? Не думать об этом. Надо прожить хотя бы этот день, хотя бы до конца боя. Вернуться на авианосец. А сперва надо найти ее — эту фашистскую

подлодку, которая должна быть где-то рядом с караваном... Никогда еще самолеты не сопровождали караваны, только советские встречали ближе у берега. Это первый авианосец союзников, и если что... возвращаться будет некуда. Элизабет... Лиза, Элизавэта — так, она говорила, ее зовут по-русски. Она откуда-то с севера, ее отец с семьей приехал служить в Америку незадолго до этой их русской революции, а потом уже не смог, а может быть, и не хотел вернуться. Как она может помнить, ведь уехала отсюда совсем крохой? Скорее всего, как собственную память она воспринимала рассказы отца. Но он сам после знакомства с ней всегда хотел оказаться здесь. Почему-то мама не хотела, чтобы они встречались. Что это? Простая материнская ревность? Или желание, чтобы он нашел кого-то помоложе? Или неприятие другой веры? Но они же тоже христиане! Впрочем, какая мне разница? Православные, католики...

Мама... Как она испугалась, увидев их тогда, пришедших в военной форме накануне отъезда. Пугать ее не хотелось, но и не сказать было нельзя.

— Джон, если ты не скажешь ей сейчас, то потом придется писать письмо уже из Англии, если не из России.— Пит всегда знает, как поддержать друга.

- Она не поймет.
- Всё равно лучше сейчас.
- Легко тебе говорить...

А вот и мама. Прости, прости за эти слезы, которые тебе приходится сдерживать. Ну же, ты всегда понимала меня, придется понять и сейчас. Всё равно уже ничего не изменить. Ну вот, ты уже почти спокойна. Как всегда, прямой взгляд и этот чуть ироничный, но такой любящий голос...

- Вы собрались на маскарад?
- Нет, мама, на войну.
- Я... я понимаю, но Элизабет...
- Мама, это тут ни при чем.
- Но она...
- Мама, она ушла, и это тут ни при чем.
- Но там — война...

— Мама, я не ищу смерти. Просто я хочу стать героем, вот и всё.— Как тяжело вести этот разговор...— Нам пора, мама. Прости, что я не говорил тебе раньше. Я вернусь. Я люблю тебя. Я буду писать.

- А я буду о тебе молиться. Помни об этом.

И чем мне это поможет? Мама, родная, я действительно люблю тебя, но всё это... Ну ладно, пусть.

- Молись, если тебе так легче.

* * *

Наконец-то появились фоккеры*. Что ж так мало? Недооценили вы нас. Поиграем! Молодец Пит, как стрелок он просто ас. Весело! Неужели в любовую? Ну что ж... Ну и рожа у тебя, фриц. Неужели и тебя провозжала мама, что-то желала доброе сыночку, уходящему в бой? Жалко всех матерей. Что они знают об этой войне, кроме того, что здесь убивают их сыновей?

Да вот же она! Лодка! Ее очертания так ясно видны даже под этой черной водой...

— Пит! Пит, внизу. Видишь?

— Есть. Вот она. Третий, третий, я восьмой. Объект обнаружен, отправляем подарок.

Бомбы сброшены. Пора возвращаться. Мы сделали свою работу.

— Пит, пора уходить! Хватит нарываться, ребята помогут. Нашим делом была лодка.

— Ты же хотел быть героем, Джон.

— Это уже глупость, а не геройство. Пит!

Почему он не отвечает? Подбиты... Говорил же.

— Пит! Пит! Ты жив?

* Немецкие истребители. Использовались стороной противника во время Великой Отечественной войны. — *Примеч. ред.*

— К берегу... Тяни к берегу... У тебя есть еще шанс...

— Пит! — Больно, как будто прожгло где-то в груди. Ранен? Или это уже конец? Мама, прости... Я так и не увижу эту землю весной... Земля. Вот же она, кажется, так недалеко. А вдруг? — Третий, третий! Я восьмой. Самолет подбит. Пит ранен, я... тоже... Есть... шанс... у меня есть шанс...

Небо... Облака разошлись, обнажив хрустальную синеву... Небо и солнце... Откуда-то звон. Колокольный звон. Он где-то внутри. И радость, какая-то новая радость начинает наполнять сердце... Дотянуть, дотянуть до берега...

Дорога в скит

Начало апреля в мурманских краях мало чем отличается от зимы. Разве что солнцем и этой синевой неба, которая бывает только весной. Воздух недвижим, а потому снеговые шапки, укрывшие ветви деревьев, тяжело спадают вниз, когда Марья или Катя невольно тревожат покой этого леса, так похожего на сказку. Идти на самодельных лыжах по плотному снегу нетрудно, даже через бурелом. Даже с ружьем и большим мешком

за плечами. Вот бы еще дочка не хромала, ну да скоро уже помощь.

— Мам, что ты всё на компас смотришь? Дорогу не знаешь? Далеко еще?

— Потерпи, Катюша, уже не очень.

— Далеко же тетка твоя забралась... И чего она в город не переедет?

— Нельзя ей в город.

Рано, рано ей еще говорить. Вдруг захочет вернуться?

— И большая у них деревня?

Или, может, уже сказать? Ну куда она в лесу денется? Зашли уже далеко, без меня обратно не пойдет.

— Нет там никакой деревни.

— Что же она, одна среди леса живет?

— Тетки тоже нет. Я ее придумала.— Ну вот, сказала. Теперь только правду. Всю, начистоту.

— Как нет? Куда же мы идем?

— Ногу твою лечить идем.

— С мешками? Что ты хоть туда положила?

— Там узнаешь.

— Что ж это за доктор такой загадочный в лесу живет? Потом, нога моя уже почти прошла, я почти и не отстаю от тебя.

— Это потому что я иду медленно.

— А ты иди побыстрее. Так что за доктор?
И как ей скажешь, что за доктор? Вот и хочешь
сказать всю правду, а не говорится.

— Хирург.

— А почему в лесу? Там что, санаторий? До лю-
бого санатория доехать можно.

Как сказать? Как, чтобы услышала? Может,
всё-таки не сейчас? Ну ладно, уже начала...

— Там не санаторий, доча. Там скит.

— Что?

— В скит мы идем. К старцам.

— Куда?!

Зря сказала... А и как не сказать?

— На кудыкину гору!.. Ладно, часах в двух отсю-
да уже, за болотами есть церковь небольшая, ее
монахи построили, давно уже. С тех пор там и жи-
вут. В общем, скит у них там.

Ну вот... Глаза изменились. Что она, думает, что
я с ума, что ли, сошла?

— Что ж ты мне сразу не сказала? То тетку
какую-то выдумала, то доктора!

— Доктор там тоже есть. Недавно пришел. А не
говорила раньше, потому что боязно было. Вдруг
испугаешься, не пойдешь, а то случайно скажешь
кому.

— Мам, какое испугаешься? Только глупости это всё. Бога нет, а религия — обман, опиум для народа.

Доча моя, доча, любимая ты моя. Закрутили тебе голову безбожными пятилетками да марксизмами-ленинизмами.

— Обман... Потому и не говорила, что обмана много... Только не всегда там, где ты думаешь. Я бы тебя сегодня не взяла, да одной мне все не донести. Помощь нужна. Потом, тебе скоро на фронт, хочу, чтобы тебя старцы благословили.

— Мама, я же комсомолка! Какие старцы?!

Хорошие старцы...

— Хорошие старцы, Катя. Ты таких не видала.— Идти, надо идти дальше, не стоять же здесь посреди леса. Идти и говорить, глядишь, услышит. А не услышит — всё одно, дойдем до скита, там отцы ей помогут. Не могут не помочь, они же... Их бы ей только увидеть, ведь вот даже и Евгений мой, на что был коммунист, а и то...— Раньше мы с отцом сюда ходили, до войны еще. Свечи носили, муку, масло. Он скит этот однажды с самолета увидел, хоть старцы и скрывают его. У них у церкви и купол, и крест деревянный — в лесу не различишь, а вынес тогда отец Герман икону на улицу — праздник у них

был, крестным ходом вокруг церкви пошли — она на солнышке блеснула. Отец тут по лесам потом долго блуждал, искал их, чуть не замерз насмерть, но нашел — знал ведь примерно, где искать. Старцам бы впору думать, что их под расстрел, а скит сожгут, всё ведь, считай, кругом позакрывали, а они будто ждали его... Отец о них не сказал никому, в послушание к ним пошел.

— Мам, ты что говоришь? Отец ведь неверующий был.

— Верующий, доча.

— И ты тоже?

— И я. А как без Бога жить?

— Мам, ну почему ты не говорила раньше? Я бы тебе рассказала все. Ну какие старцы? Какой Бог? Средневековье какое-то! Знаешь, мам, пошли назад!

Надо же, жалеет! Глупенькая, это тебя пожалеть надо. А назад никак, теперь уж только вперед, к скиту.

— Поздно, дочка, поворачивать. Сейчас со мной пойдешь, а там сама решать будешь. Как Господь устроит, так тому и быть.

Опять бой. Далеко, а слышно. Видно, опять над караваном... Опять кто-то не вернется к родным. Женечка, Женя, Царствие тебе Небесное!

— Мам, знала бы, и впрямь не пошла. У меня еще нога не прошла толком, а ты меня в какой-то скит тащишь.

— Ничего, Катюша, заживет твоя нога. Бог милостив. Видишь, как ты быстро оправилась?

— Бог тут при чем?

— Может, ты потому только и жива осталась, что тебя Бог хранил по молитвам старцев наших. Мы с отцом просили их о тебе молиться.

— Отец коммунистом был.

Обиделась. Ну ничего, на правду не обижаются. Оправишься и правду-то примешь... Вой. Где-то рядом волки. Надо ружье на плечо перевесить, мало ли что. Голодный вой. И вой, и бой — всё рядом. Да и бой что-то ближе... Катя что-то сказала. Да, коммунистом...

— Был, а вот всё душа его томилась, правду он искал.

— Ну и что? Нашел?

— Нашел.— Надо же, как смотрит... Как много всего в этом взгляде — и любовь к отцу, и память, и желание только правды, и заранее отвержение этой правды, которую она уже знает.— Нашел. И мне показал, потому что любил меня. А я тебе покажу, потому что тебя люблю.

— А раньше что же — не любила?

Надо идти. Просто идти дальше. Нельзя стоять.

— Любить-то любила, но... Не знаю. То ли боялась чего, то ли ты еще мала была. Отец уже почти полтора года как погиб, я одна, а вокруг тебя приятелей полно... Ты бы не послушала меня. И в школе, и на курсах ваших медицинских всё одно твердят — Бога нет. А я что? Я мама. Маму разве кто в таких делах слушает? А старцев увидишь — сама всё поймешь... А не поймешь — значит, на то воля Божия...

Что за шум?

— Ма, что там?

— Где?

— Ну, слышишь?

Самолет. Падает самолет! Вот деревья трещат. Там, с той стороны, с севера. Господи, да что же это?!

— Ма, самолет упал, где-то рядом совсем... Пойдем! Может, помощь нужна!

— Вот она — воля Божия...

Раненая

Самолет упал действительно совсем недалеко. Не прошло и десяти минут, как Марья с дочерью оказались на поляне рядом с каким-то неизвестным Марье дымящимся самолетом. А наши самолеты она различать умела, всё-таки муж — летчик. Крестов нет — значит, не фашисты. А кто? Значит, союзники. Катя быстро вскарабкалась на крыло, осмотрела летчиков, попыталась нащупать пульс на сонной артерии одного из них, но

он мертв. Второй, кажется, тоже погиб... Но вот он стонет.

- Мам, он живой! Его в город надо, в больницу!
- Сперва достанем его оттуда.

Вытащить летчика из самолета оказалось не так просто, что-то всё время мешало, тем более было непонятно, что у него за рана, надо было быть осторожнее. Оттащив его подальше, Марья рискнула подойти к самолету еще раз.

— Ма, ты что?

— Посмотрю, может, документы какие есть. Мало ли... Хоть родным сообщить...— Она заглянула за пазуху комбинезона погибшего летчика, что-то достала оттуда, сняла с шеи жетон.— Давай-ка отсюда побыстрее. Не дай Бог...

Уложив раненого на обломок металлической обшивки, они потащили его за собой, как на санях, оттаскивая подальше от самолета. Остановившись на достаточном расстоянии, Марья внимательно посмотрела на его лицо, пощупала пульс на шее... Чудо, что жив.

- Не довезти нам его до города, до скита ближе.
- Мам, ты что? Ему же операция нужна!
- Бог поможет.
- Мама!

— Делай, как я говорю! До города всё равно не дотащим...

— Я ему хоть рану перевяжу... Нас учили...

— Погоди.

Марья достала из вещмешка платок и нож, ловко разорвала платок на полосы. Катя вполне сносно сделала из них повязку. С того места, где они оставили самолет, послышался взрыв. Они на мгновение остановились. Марья перекрестилась.

— Пока всё.— Катя закончила наложение повязки.

— Пошли.

Идти с раненым было тяжелее, да и солнце уже ушло. Снег большими шапками падал с деревьев прямо на них.

Операция при керосиновой лампе

Отец Герман затеплил лампы перед иконостасом. Он всегда был бодр и наполнен какой-то внутренней радостью. Служить Богу, возносить молитвы, совершать литургию — что может больше радовать старика? Хотя он себя стариком не чувствовал. Что там какие-то шестьдесят? Слава Богу, здесь хоть и трудно, но тихо. Вот уже радость. Отец Игнатий молится, жив, кроме того, что не ходит, милостью Божией, не болеет. Вот еще радость. Вот и Сережа здесь, есть с кем послужить — опять радость.

— Ну что, Сережа, раб Божий, вот и весна. Немножко совсем до Пасхи осталось. Пасха скоро, Сережа! Что печалишься? Почто унываешь? Али милости Божией не знаешь? Христос воскрес!

— Еще Страстной не было, а Вы уже — воскрес!

— Так ведь воскрес же, Сереженька! Уж почти две тыщи лет как! А Страстная — оно конечно. Так ведь не для печали посты многодневная, а для чистоты душевная, так что, Сереженька, тоску из сердца гони-ка вон, а пусть разливается в душе колокольный звон. У нас, Сережа, колокола-то только в душах и звонят, нельзя нам пока по-другому-то, так ты излей душу, открой мысли свои. Подошел бы к отцу Игнатию. Отец Игнатий — он Духом знатен, как скажет словечко, так словно к Богу взойдешь на крылечко... Помолишься со мной?

— Помолюсь, отец Герман.

— Голос у тебя хороший, ты пой. Господь любит, когда поют. Ну, давай службу начинать. Благословен Бог наш...

* * *

Раненый летчик иногда стонал, иногда затихал надолго.

Содержание

Стать героем.	3
Дорога в скит	9
Раненый	16
Операция при керосиновой лампе	19
Лесной хирург.	28
Благовещение.	33
«Мама, я жив!»	40
Господь всегда рядом	46
Литургия	57
Скоро Пасха	62
Передовая отца Игнатия	68
Пробуждение	81
Второе рождение	84
Правда о прошлом	88
«Воскресение Твое...»	94

Непростой выбор	100
Свет молитвы	110
Уроки русского	116
В любви нет страха	122
Сохранить в сердце	128
Последняя ночь	139
Всё будет хорошо!	147
Вера	154
Единственный путь домой	161
Прощание	166
Эпилог. Жизнь продолжается	168